

ОСНОВА НЕЙРОНАУЧНОГО И КОГНИТИВНОГО
ПОДХОДА К АРХИТЕКТУРЕ

ГОРОД как безумие

«Книга, открывающая новую перспективу, постулируя, что тщательно продуманный и воплощенный проект способен расширять когнитивные способности и улучшить жизнь».

Kirkus Reviews

*Как архитектура влияет
на наши эмоции, здоровье,
ЖИЗНЬ*

САРА УИЛЬЯМС ГОЛДХАГЕН

*Ведущий архитектурный критик, профессор
Высшей школы дизайна Гарвардского университета*

Психология и психика

Сара Уильямс Голдхаген

**Город как безумие. Как
архитектура влияет на наши
эмоции, здоровье, жизнь**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 159.937.5
ББК 88.854.5

Голдхаген С.

Город как безумие. Как архитектура влияет на наши эмоции, здоровье, жизнь / С. Голдхаген — «Издательство АСТ», 2017 — (Психология и психика)

ISBN 978-5-17-982444-2

Сара Голдхаген, одна из ведущих архитектурных критиков, открывает глаза на то, что созданная нами среда глубочайшим образом влияет на наши ощущения и самочувствие, формирует воспоминания. Она утверждает, что это знание поможет создать мир, который лучше подходит для человека. Автор рассматривает наиболее и наименее «человечные» городские ландшафты, анализируя их с точки зрения когнитивной нейронауки и психологии, чтобы продемонстрировать: дома, которые мы строим, напрямую влияют на наше благополучие, здоровье, социальную жизнь и даже ощущение самих себя. По этой причине, пишет Голдхаген, мы должны переосмыслить манеру и технологию строительства: города планеты Земля должны быть спроектированы разумнее, чтобы отвечать полному спектру наших потребностей. Замысловатые формы и смелые экстерьеры всегда востребованы; столь же важны текстура и подлинность натуральных материалов. Эта обстоятельная книга — проницательный взгляд на пространства, где обитают и наши тела, и наши души, а также призыв создать благотворное окружение для человеческого опыта. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.937.5

ББК 88.854.5

ISBN 978-5-17-982444-2

© Голдхаген С., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	7
Введение	11
Глава первая	20
Четыре разновидности унылых мест	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сара Уильямс Голдхаген

Город как безумие. Как архитектура влияет на наши эмоции, здоровье, жизнь

*Живу в возможном,
что обыденности мне милей.
Ведь изобилие окон
важней количества дверей.*

Эмили Дикинсон

Sarah Williams Goldhagen
WELCOME TO YOUR WORLD: HOW THE BUILT ENVIRONMENT SHAPES OUR
LIVES

© 2017 by Sarah Williams Goldhagen

© Перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

Предисловие

Позвольте дать вам смелое обещание. Я, незнакомка, приглашаю вас в мир, где вы живете – изо дня в день. И все же я уверена, что после прочтения этой книги ваши знания и представления об этом мире изменятся. Вы переосмыслите свою роль в нем, поймете, что он воздействует на вас, ваших детей, на всех, причем так глубоко, как вы не могли себе представить.

Откуда я это знаю? Потому что так случилось со мной.

Когда я была подростком в мире, еще не знавшем смартфонов и *GPS*, мне посчастливилось отправиться с родителями в Италию. Во время одной изматывающей, нервной поездки на взятой напрокат машине мой отец свернул с шоссе в пригороде Флоренции, моя мать не смогла сориентироваться, и мы поняли, что заблудились. У нас была карта, но, должно быть, север был югом, или юго-востоком, или западом, вопреки ее представлениям, и нигде на карте она не могла найти названий улиц, по которым мы проезжали. Огорченные, мои родители начали ссориться. Родители злились, автомобиль бросало из стороны в сторону, и я обнаружила – уже не впервые, – что оказалась в самой гуще битвы титанов. То есть колоссального скандала. Сверни налево! Нет, ездай прямо... Смотри сюда! Нет, туда. Видишь этот знак? На нем написано совсем не то... и так далее, и так далее.

Я попросила передать карту мне, быстро определила наши координаты и потребовала от них обоих – несомненно, противным подростковым голосом – сохранять спокойствие. Сурово и безошибочно я указала дорогу к отелю, где мы зарегистрировались, не обменявшись с родителями и словом. Затем я – отчаянно желая убраться подальше, остаться в одиночестве, – поспешно сообщила, что хочу прогуляться.

Все равно куда, я просто пошла прочь. Хотя в гуманитарной программе моей школы значились уроки по истории Флоренции и ее выдающейся роли в итальянском Ренессансе, ничто на это не указывало. Вокруг меня был просто еще один итальянский город, очаровательный, но не более и не менее очаровательный, чем множество других итальянских городов, в которых мы побывали. Я шла, не разбирая дороги, просто стараясь снять напряжение. Побродив по многолюдным улицам, я вышла на площадь, запруженную гудящими автомобилями, на большой скорости огибающими дома и туристов. Чудесное восьмиугольное здание было передо мной, основание его находилось чуть ниже уровня улицы, словно оно начало погружаться обратно в землю, но в то же время оно высоко поднималось над площадью. Его стиль подчеркивали зеленовато-серые полосы *pietra serena*¹, оплетающие беломраморные блоки на его фасаде. За этим восьмиугольником – баптистерием, поняла я – огромный собор возносил славу оставившему сей мир Богу, в то же время восторженно отдавая дань гениальности человека. И это было еще не все! Рядом с правым крылом собора взмывало в небо кружевное каменное создание в нежных розовых, зеленых и белых тонах: колокольня Джотто. Я воспарила сердцем. Умиротворение разлилось по моему телу. За считанные минуты я окончательно освободилась от дневных испепеляющих треволнений. Как может существовать такая красота? Кто ее создал? Почему розовое и зеленое? Как могло случиться, что эти три здания, внезапно открывшиеся мне на незнакомой городской площади, так кардинально изменили мое настроение, мой день и, – хотя об этом я тогда вряд ли догадывалась, – мою жизнь?

Большую часть жизни, почти 40 лет, прошедших с того времени, я писала о зданиях, ландшафтах и городах, сначала как журналист, затем как профессор и историк модернизма и его деятелей, включая Луиса И. Кана, американского архитектора, о котором я написала книгу. Десять лет преподавания в Школе дизайна Гарвардского университета погрузили меня в архитектуру наших дней. Моя увлеченность современными методами и идеями вызвала, в свою

¹ Серый песчаник, широко использовавшийся в оформлении флорентийских зданий эпохи Возрождения. – Прим. изд.

очередь, растущее недовольство академическими публикациями, с их ограниченной аудиторией и специфической формой, поэтому я начала пополнять своими эссе и обзорами свод общедоступных публикаций.

В течение восьми лет я была архитектурным критиком в *New Republic*, и к настоящему времени опубликовала целый ряд научных и популярных работ здесь и за границей. Все это перечисление – просто для того, чтобы показать, что изрядная доля моей профессиональной и личной жизни была посвящена тому, чтобы ответить на вопросы, которыми я задалась в тот памятный день. Именно путешествие побуждало посещать все новые и новые места, изучать и фотографировать здания, ландшафты и города и читать все более глубокие книги, постигая различные способы анализа и осмысления городской среды. Будучи студенткой, а потом аспиранткой на кафедре истории искусств, я научилась оценивать непреходящую власть визуальных языков и художественных традиций и определять, как такие традиции взаимодействуют и с чувствами дизайнера, и с запросом общества на новизну в культурных высказываниях. Однако быстро выяснилось, что одной лишь истории искусств недостаточно для решения стоящей передо мной задачи: понимания эстетического переживания. Поэтому я искала ответы в истории техники, общественной теории, эстетике и даже лингвистике и теории литературы.

В то же время я разбирала записи и эскизы самих дизайнеров, анализируя их стили и художественное видение, докапываясь до лежащих в их основании мыслей. Я познакомилась с идеалами французского Просвещения, породившими неоклассицизм XVIII века; с неоплатонизмом и органическим универсализмом, давшими толчок геометрическим планам Андреа Палладио и Франческо Борромини, а позднее – Энн Грисуолд Тинг; с доктриной конструктивного рационализма конца XIX века, наиболее ярко разработанной Э. Э. Виолле-ле-Дюком и оказавшей влияние на некоторых ранних модернистов. Я анализировала разнообразные интерпретации функционализма, от «универсального пространства» Людвиг Мис ван дер Роэ до психобиологизма Рихарда Нойтры, а также стилизации социологии и ностальгии в «языке паттернов» Кристофера Александера. Идеи, собранные у всех этих деятелей, а также из научных статей и направлений, питали непрерывно развивающуюся схему, которую я разрабатывала для того, чтобы пролить свет на то, как и почему архитекторы, урбанисты и ландшафтные архитекторы проектировали так, а не иначе, и на то, как люди воспринимают здания, города и места, которые проектируют архитекторы.

Я многое узнала о множестве вещей. Но я не была удовлетворена и все еще искала ответы на вопросы, как, насколько архитектурная среда влияет на то, что мы думаем, чувствуем и делаем. Только литераторы, мне кажется, уловили что-то из того, что я пытаюсь объяснить. В ассоциативных, нелинейных, интуитивных мыслях, содержащихся, в частности, в стихотворных и прозаических отрывках, которыми в качестве эпиграфов я предваряю каждую главу, выкристаллизовались некоторые важные характеристики того, как люди воспринимают наши архитектурные среды. Мои первоначальные вопросы все же остались по преимуществу без ответов.

Семь или восемь лет назад я начала перелистывать разрозненные работы, касавшиеся социальной теории, когнитивной лингвистики, различных отраслей психологии и когнитивной нейробиологии, – и это дало мне новое представление о том, как люди видят, что думают и, в конечном итоге, как воспринимают окружающую среду, к которой, несомненно, относится и городская застройка. В процессе дальнейшего чтения стало очевидным, что недавно сложившаяся теория, называемая по-разному – «воплощенное», или «укорененное», или «ситуативное» познание – возникла на пересечении работ во многих направлениях, отчасти научных. Обнаружилось, что человеческое мышление по преимуществу – в большей степени, чем считалось прежде, – является не логическим и не линейным, а ассоциативным и бессознательным. Эта все еще находящаяся в процессе становления теория создает основы для моделирования и анализа того, как мы живем одновременно в этом мире, в наших телах, стоящих ногами на

земле. О том, как мы сосуществуем с другими людьми и с образами в наших головах, которые переполнены представлениями о мирах, которые мы сами постоянно воображаем и преобразуем. Человеческое познание, принятие решений и действия представляют собой некую смесь всех трех компонентов.

Эта переживающая становление, научно обоснованная теория воплощенного познания легла в основу представленного здесь мной анализа, который в итоге позволит мне ответить на некоторые вопросы, занимавшие меня и так долго не дававшие мне покоя. Каким образом, при каких обстоятельствах комната, или здание, или городская площадь, или любая застройка воздействуют на нас? Что именно в том или ином месте привлекает или отталкивает нас, что западает в нашу память или никак не откладывается в ней, что может тронуть кого-то до слез или оставить равнодушным?

Хотя семена идей, которые я представляю здесь, были посеяны в тот далекий день во Флоренции, лишь после того, как я узнала все, что стало известно ныне ученым и психологам о человеческом познании, я смогла написать эту книгу. Я неслучайно попала на пьядца-дель-Дуомо; план улицы, на которой я оказалась, ширина ее тротуаров, повороты, за которыми на мгновение приоткрывалось что-то большое и белое, – все это подталкивало меня к ней. Нельзя сказать, чтобы я была одинока в своем восприятии флорентийской Соборной площади. Отчетливо обозначенные границы плазы, масштаб и чистые геометрические формы ее центральных строений, внезапное чередование разных материалов совместно работали на то, чтобы завладеть моим рассеянным вниманием. В сочетании с выступлениями и углублениями, дающими представление о масштабе, яркими красочными архитектурными деталями, эти здания пленяли взгляд соответствием действиям и склонностям человеческого тела и разума, производя огромное впечатление. То, что колокольня Джотто, собор Брунеллески и величественный Баптистерий стали частью моей биографии, – после стольких лет все еще живо стоя перед моим внутренним взором, – совершенно очевидно, результат природы и проделок долговременной человеческой памяти.

Подумайте о том, как прослушивание вашего любимого музыкального произведения может изменить ваше настроение. Как созерцание великолепной картины переносит вас в другой мир. Как необычная форма предмета мебели заставляет вас представить тело отдыхающего человека; танцевальное представление вызывает мысли о вашем собственном теле в движении. Удачные скульптуры могут вызвать ощущение стояния с гордо поднятой головой, или ползания, или плаванья; хороший фильм обогащает нашу жизнь сюжетами и драматическими коллизиями. Каждое из искусств воздействует на нас могущественным и реальным образом, но происходит это, только когда мы активно вовлечены в процесс восприятия. Обычно такое бывает короткое время на протяжении какого-то дня, а в множество других дней может не случиться вообще.

Наши отношения со строительной средой – иные, чем с любым другим видом искусства. Она воздействует на нас все время, а не только тогда, когда мы решаем уделить ей внимание. Более того, архитектурная среда влияет на нашу жизнь и наш выбор всеми способами, какими это делают другие виды искусств вместе взятые. Она влияет на наши настроения и эмоции, на то, как наши тела ощущают себя в пространстве и в движении. Она глубоко видоизменяет истории, которые мы себе рассказываем и сооружаем из нашей повседневной жизни.

Что обнаруживает эта новая теория воплощенного или ситуативного познания, так это то, что городская застройка и ее дизайн значат гораздо, гораздо больше, чем кто-либо, даже архитекторы, мог себе представить. Информация, которую открывает эта книга, должна глубоко повлиять на то, как люди воспринимают строительную среду и как архитекторы ее проектируют. В ней, словно в зеркале, отражаются миры, которые мы создали, и она иллюстрирует способы перестройки нашей среды, которые помогут сделать ее менее угнетающей для души и более живительной для человеческого тела и ума, обществ и государств.

Почему я чувствую себя такой уверенной, приглашая вас в *ваш* мир? Потому что в процессе написания этой книги я – которая уже привлекла к решению этой задачи выдающихся специалистов в области строительной среды – стала видеть здания, ландшафты и города по-новому, и не только в тот памятный день во Флоренции, но и ежедневно.

И здесь я хочу поделиться тем, что поняла, с вами.

Введение

Следующая революция среды

*Ни один из миров
Не одет, как ему подобает, но, жестокий иль нет,
Мир все же следует строить,
Так как вид из окна
Существует для нас все равно.*

У. Х. Оден, «Хвала местообитанию». I. Пролог: Рождение архитектуры

Оглянитесь вокруг. Что вы видите из своего окна? Что из обстановки комнаты вы видите с того места, где сидите? Ваш ответ будет столь же уникальным, как вы сами. Живете ли вы в городе, крупном или маленьком, в пригороде или за городом, или в одном из растущих мегаполисов – Нью-Йорке, Сеуле, Сан-Паулу, – вы находитесь посреди городской застройки или, в любом случае, смотрите на нее из окна. В давние времена при обустройстве человеческих местообитаний, как правило, главную роль играла природа. Те времена прошли. По всему миру в развитых и развивающихся странах люди проводят большую часть своего времени внутри и в окружении зданий и искусственных ландшафтов. В больнице или спальне вы родились; в хосписе, спальне или больнице, вероятнее всего, умрете. Вы обустраиваете свой дом или квартиру. По улицам, мостам и под землей вы едете, добираясь до офиса, лаборатории, или промышленного предприятия, или магазина, где вы работаете. В школах, общественных центрах, на детских площадках и в парках вы растите и учите своих детей, налаживаете и поддерживаете социальные связи. В средах, предназначенных для вашего свободного времени, вы гуляете, играете в мяч или бегае, смотрите театральные представления, посещаете спортивные состязания, рассматриваете музейные экспозиции, ходите по магазинам, отдыхаете в кафе.

Постоянно растущая доля человечества проводит почти все свое время – 90 % и более – в средах, задуманных и созданных руками человека, и, в отличие от прежнего мира, по преимуществу не своими собственными руками. Около четырех миллиардов человек живут в наиболее плотно застроенных частях мира, известных как городские территории. Места, которые мы населяем и используем, не только построены в том смысле, что сооружены, но они спроектированы, чтобы выглядеть и функционировать именно так, как люди *решили*. Некто решает включить тот или иной элемент, а кто-то предпочитает объединить эти элементы в композицию. Не только каждое здание, или городская площадь, или детская площадка, – но и каждый тротуар рассчитан, каждое окно имеет определенные размеры и расположение, потому что люди принимают решения о ширине, высоте и трассе тротуара, о том, способно или нет данное окно защитить жителей от капризов погоды, а также о том, как оно будет выглядеть и функционировать. Это кто-то решает. А кто-то другой решает, достаточно ли продуманы решения этого человека.

Городская застройка создает обманчивое впечатление неизменности. На самом деле статистика изменений и роста показывает, что она постоянно обновляется, реставрируется и расширяется. Цифры ошеломляющие, однако только знакомство с ними позволяет представить, что ждет впереди. Если говорить о предстоящих нескольких десятилетиях, то к 2050 году население одних только Соединенных Штатов увеличится на 68 миллионов человек, на 21 %, и составит почти 400 миллионов. Это вызовет необходимость нового массового строительства в городах и непосредственно примыкающих к ним районах зданий, ландшафтов, инфраструк-

туры и городских территорий. Представьте себе увеличение застройки городской территории Нью-Йорка на 20 %, что позволит вместить еще 5 миллионов человек. Расширьте городскую территорию Лос-Анджелеса для размещения еще 4 миллионов человек; Вашингтона – для дополнительных 2 миллионов жителей; Остина – для 400 000 сверх его нынешнего двухмиллионного населения, и так далее, для каждого из городов США. Примите во внимание масштабы строительства в каждом из этих городов, необходимого для обеспечения жильем, офисными зданиями, торговыми площадями, парками и площадями такого количества людей. Одно только расселение их потребует строительства в общей сложности миллиарда квадратных метров нового жилья. Это, вкуче с непрерывными изменениями в экономическом ландшафте, которые влекут людей в одни города и выталкивают из других и которые заставляет разрушать некоторые здания, а другие – обновлять, означает, что Соединенным Штатам потребуется значительно большее количество и разнообразие зданий и ландшафтов, чем создали наши родители, деды и прадеды. К 2030 году не менее половины зданий, в которых обитают американцы, будут постройки 2006 года: каждое третье, а возможно, второе здание, попавшееся вам на глаза, будет новым.

Строительная кампания грядущих десятилетий будет еще более активной за пределами Соединенных Штатов, – настолько, что объем будущего американского строительства покажется на ее фоне статистической погрешностью. Чуть менее половины населения Земли в наши дни живет в городских агломерациях. Менее чем через два поколения Азию, Африку и Латинскую Америку ожидает взрывной рост городов, и к 2050 году каждый третий человек на планете будет жить на территории города. Это означает, что *еще* 2,4 миллиарда человек потребуются здания, в которых они будут жить, работать, получать образование, равно как транспортная инфраструктура, позволяющая им передвигаться, и ландшафты для передышки.

Все это в высшей степени ошеломляет.

В наши дни в каждом из 428 городов Земли проживают от 1 до 5 миллионов человек, а в следующие 15 лет число таких городов увеличится до 550. В 44 городах ныне население составляет от 5 до 10 миллионов человек; через 15 лет таких городов будет 63. А количество мегаполисов, гигантских городов с населением больше 10 миллионов человек, с нынешних 29 подскочит до 41, то есть тоже более чем на 40 %. Не только будет расти население городов с беспрецедентной скоростью, но и самые сложные городские территории – крупные города и мегаполисы – станут главными точками роста. Переселение людей в города и сопутствующие этому строительные кампании особенно активны в развивающихся странах, в частности в Индии и Китае, где к 2050 году количество городских жителей предположительно возрастет на 300 миллионов и в целом составит более миллиарда человек. Если бы Китай строил по одному новому городу в год, чтобы вместить растущее население, пришлось бы ежегодно возводить по мегаполису размером с Нью-Йорк на протяжении 35 лет. На самом деле в ожидании этого роста Китай уже заложил и построил совершенно новые огромные города в местах, где раньше ничего не было. Чтобы принять огромную волну переселенцев из сельских районов, которые переедут на городские территории с настоящего времени по 2030 год, Китай со временем будет иметь 125 городов-миллионников. Количество крупных центров (более 5–10 миллионов человек) достигнет 16, и в Китае будет 7 гигантских агломераций с населением в некоторых из них более 20 миллионов человек. В следующие два десятилетия Китай будет продолжать расширение своей инфраструктуры – жилые здания, дороги, мосты, аэропорты, электростанции, водоочистные сооружения, системы торговли – семимильными шагами, в феноменальных масштабах, по сравнению с которыми все, что известно человечеству, покажется мизерным. По размерам она будет эквивалентна существующей городской инфраструктуре Соединенных Штатов. Хотя стремительное развитие Китая кажется единственным в своем роде, на самом деле это не так. Предполагается, что в Индии в этот период городское население будет расти с еще большей скоростью и в итоге *удвоится* – увеличится на 400 миллионов человек. И в других частях Азии,

а также некоторых странах Латинской Америки, рост и урбанизация идут фантастическими темпами, в основном за счет трущоб и низкокачественного строительства.

Тормозя экономический кризис, это глобальное строительное цунами продолжится в наступающие десятилетия. Образно говоря (впрочем, уже почти буквально), весь мир – строительная площадка. Решения, которые принимают люди относительно создаваемой ныне городской среды, о том, что, как и где строить, отразятся на жизни миллиардов людей нескольких поколений. Если это покажется вам несколько удивительным, оглянитесь вокруг, когда в следующий раз выйдете на прогулку или поедете куда-нибудь на машине, и представьте, что около 80 % того, что современные американцы называют своим домом, еще 60 лет назад не существовало. Спросите себя, какой была бы ваша жизнь или жизни ваших матери, брата, детей, если бы 80 % увиденных вами зданий, улиц и парков выглядели, были организованы и функционировали иначе и лучше. Что, если бы все ваши соседи были радостными и приветливыми? Что, если бы все они имели удобный доступ к надежному, недорогому, комфортабельному общественному транспорту? Что, если бы дом или квартира каждого из них находились по соседству или в пределах пешей доступности от хорошо спланированного и оборудованного парка? Если бы естественный свет освещал через большие, продуманные окна каждый дом, рабочее место, классную комнату? Ваша жизнь и жизни тех, кого вы любите, стали бы иными – так же как если бы вы жили в темных, безликих, неряшливых, лишенных окон коробках, расположенных где-то в тесном окружении однообразных высотных башен.

Большая часть того, что мы видим из своих окон или в окрестностях наших домов, было построено, но не было по-настоящему *спланировано* – разве что в самом элементарном смысле этого слова. В Соединенных Штатах 85 % нового строительства – будь то новый мост, городской парк, жилой дом или школьная пристройка, – осуществляется строительными фирмами в сотрудничестве с торговцами недвижимостью или другими частными клиентами. Многие из этих строителей либо обходятся вовсе без дизайнеров (обобщающее название профессионалов, занимающихся проектированием городской среды: архитекторов, ландшафтных архитекторов, дизайнеров интерьера, градостроителей, планировщиков, инженеров-строителей и других государственных служащих), либо нанимают их спорадически, чтобы просмотреть и одобрить чертежи – чертежи, сделанные людьми, очень часто не имеющими даже базового дизайнерского образования. В Соединенных Штатах и большинстве других частей мира в наши дни многие считают наем дизайнера лишней тратой. Впрочем, богатые люди и корпорации, имеющие средства, достаточные для того чтобы купить дизайн из соображений эстетики или престижа, а также общественные или частные организации, претендующие на роль проводников культуры, нанимают опытных, информированных профессионалов для постройки сложных объектов вроде небоскребов. Но это не является нормой.

Помимо финансовых соображений такое пренебрежение объясняется еще и тем, что большую часть проектов застройки заказывают и оценивают с учетом двух взаимодополняющих стандартов. Во-первых, безопасности: строительные нормы и законодательство, а также инспекторы, требуют, чтобы наши мосты и здания, парки и городские ландшафты могли противостоять воздействию гравитации и ветра, выдерживать капризы погоды и сопротивляться разрушающему действию времени и чтобы их вспомогательное оборудование, такое как электрические системы и лестницы, не повредило людям. Вторая задача: люди ожидают, что проектируемые объекты будут удовлетворять повседневные нужды организаций и частных лиц, с одной стороны, эффективно, с другой – рационально, что часто означает минимальный из возможных расход ресурсов – пространства, времени и денег.

Довольно справедливо. Люди считают безопасность и функциональность обязательными параметрами. Но эстетика нового объекта – его замысел, то, как будут себя в нем чувствовать использующие его люди, как он *спланирован*, – слишком часто не принимается во внимание как нечто непознаваемое или незначительное. Вопрос о том, какое *воздействие* дизайн оказы-

вают на человеческие существа, задают редко, во всяком случае не систематически, и не считают главным. Люди думают, что дизайн имеет отношение к чему-то высокопарному, вроде архитектуры, и что архитектура отличается от строительства почти так же, как вашингтонский кафедральный собор от местной общинной церкви.

Нет ничего ошибочнее этого разграничения между архитектурой и строительством или, в более общем плане, – между дизайном и утилитарностью, красотой и пользой. Все больше и больше мы понимаем, что окружающая застройка воздействует на нас столь глубоко, что безопасность и функциональность перестают быть приоритетными. Все виды элементов дизайна влияют на восприятие человеком не только застройки, но и самого себя. Хороший дизайн – продуманно скомпонованные системы ордеров и стилей, приятные для чувств материалы и текстуры, сознательно выстроенные последовательности пространств – создает органичные объекты, оказывающие глубокое положительное воздействие на людей. Городские пространства, ландшафты и здания – даже небольшие и скромные – могут совершенно изменить жизнь человека. Они существенно влияют на наше сознание, эмоции и действия и даже на наше самочувствие. Они, по сути, помогают сформировать наше отношение к самим себе, наше чувство идентичности.

Мы знаем, что положительные эмоции продлевают жизнь и улучшают ее качество. И все же немногие понимают, насколько обширно воздействие дизайна на человеческое благополучие и процветание общества. Редко дизайн занимает то высокое положение, которого заслуживает, в общественной политике и финансовых соображениях; редко он принимается в расчет, когда мы постоянно создаем и переделываем наши среды. Учитывая наступающий буквально миропреобразующий взрыв в строительстве по всему земному шару, приходит время осознать неудобную истину. Наше пренебрежение строительной средой обкрадывает нашу жизнь. Более того, оно грозит тем, что и жизни будущих поколений также будут обкрадены.

При слове «среда» большая часть людей представляют природу, а «революция среды» в воображении большинства вызывает мысли о перенаселенности, загрязнении, в частности, в результате выбросов углекислого газа, который наносит такой ущерб защитному озоновому слою, окружающему нашу планету, что мы стоим перед угрозой катастрофических климатических изменений. Но слово «среда» означает просто места, обстоятельства и объекты, которые нас окружают. Среда бывает экологической, общественной, виртуальной или рукотворной. Ее элементами могут быть трава и деревья, плоть и кровь, слова и образы, краски или байты, равно как и кирпичи, асфальт и сталь. И поскольку мы по преимуществу живем в средах, которые образуют и в которых доминируют кирпич, камень, древесина и переработанная древесина, стекло, сталь и гипсокартон, имеет смысл подобрать слово, описывающее революцию, которая должна правильно преобразовать наш строительный мир. Потому что среды, в которых мы обитаем, которые строим, могут сделать нас и наших детей здоровыми или больными. Они могут сделать нас и людей, которых мы любим, умными или глупыми. Умиротворенными или подавленными. Мотивированными или апатичными. Более того, именно их *дизайн* в значительной мере ответствен за эти воздействия. Хорошо спроектированная, должным образом построенная среда положительно воздействует на наши здоровье, сознание, общественные отношения. Она убедительно показывает каждому из нас, что ценно наше человеческое присутствие, а не только производительный труд, кредитная карта или закладной чек. Поэтому то, как спроектированы наши здания, ландшафты и городские пространства, не может и не должно быть делом только чьего-то личного вкуса.

Эта книга – призыв к действию, к тому, чтобы все мы по мере собственных сил делали все возможное, чтобы выработать политическую повестку и практические инициативы, направленные на подъем человеческого благополучия путем улучшения строительной среды. Это призыв ко всем нам – развивать, обосновывать и применять исследовательские программы, которые пополнят наши знания о том, как мы живем и как могли бы жить в зданиях, ландшафтах и

городах. Это призыв к людям, принимающим решения в частном и общественном секторах, заботиться о качестве проектирования. И это призыв к дизайнерам посвятить свои силы и внимание изучению того, что уже известно другим областям знания о восприятии человеком архитектуры. Как герольд, стоящий на городской площади, я трублю о событиях дня, и вот мое обращение. Послушайте. Вид нашей строительной среды по преимуществу обуславливается различными интересами, в том числе – но не исключительно – рыночными, в соответствии с которыми многие люди принимают решения, необязательно идущие на пользу лучшим общественным или экологическим инициативам. За последние 20 лет мы узнали, что люди не действуют рационально – по крайней мере, постоянно. Люди осмысливают и ощущают свою строительную среду сообразно тому, что мы знаем и узнаем о человеческом сознании, общественном поведении и опыте в более широком контексте. И места, в которых большинство из нас так или иначе живет, во многих или только некоторых отношениях – не те, которые нам нужны. Это касается и нашего внутреннего, личного восприятия, и нашего поведения как членов группы или общества.

В главе 1 дается оценка современной строительной среды с точки зрения того, как она приспособлена – а по преимуществу, не приспособлена – к человеку, к тому, как он, насколько нам известно, думает, чувствует и действует. В главе 2 приводится обоснование того, как люди воспринимают свою строительную среду, путем рассмотрения обычной застройки и городских достопримечательностей, объяснения механизмов неосознаваемого восприятия, лежащих в основе отношения человека к рукотворному миру, который мощно воздействует на наши мысли, равно как и на нашу личную и общественную жизнь. В следующих трех главах рассматривается широкий спектр зданий, ландшафтов и городских сред, с тем чтобы нащупать особые направления, в которых наше восприятие построенного мира определяется, формируется и видоизменяется тем фактом, что мы существуем: в теле (глава 3), в природе (глава 4) и в обществе (глава 5). Глава 6 суммирует то, что мы узнали, чтобы выработать подходы к проектированию городской среды для существ, какими являются люди. В заключительной главе мы обсуждаем более масштабные последствия наших открытий: как они отводят центральное значение дизайну строительной среды для процветания человека ныне и в будущем.

Какие миры и общества хотим мы создать для будущих поколений? Этот вопрос остается в наши дни столь же насущным, каким он был и в 1943-м, когда Уинстон Черчилль после разрушения немцами крыла Палаты общин здания лондонского Парламента призвал британских парламентариев проголосовать за восстановление этого крыла в первоначальном виде, то есть с двумя длинными рядами скамей, обращенных друг к другу, – символ двух противоборствующих партий. Двухпартийную систему, которую отражает такое расположение, установил Черчилль, тем самым обеспечив становой хребет британской парламентской демократии. Подчеркивая свою мысль о влиянии дизайна на нашу повседневную жизнь, Черчилль заявил: «Мы придаем форму зданиям, а те в свою очередь формируют нас».

Этому важному высказыванию Черчилля, как правило, не придают должного значения. Строительная среда как таковая практически не обсуждается. Средства массовой коммуникации касаются некоторых ее аспектов, но преимущественно в контекстах «стархитектуры»², туристических достопримечательностей и домашнего декора. А между тем поразительные открытия в нейробиологии познания и восприятия позволили точно установить, почему взаимоотношения со строительной средой столь существенно влияют на жизнь человека, и описать, как это происходит.

Разумеется, некоторые авторы предпринимают первые попытки рассмотрения того, как дизайн строительной среды явно и подспудно формирует тип и характер человеческих обще-

² От *англ.* starchitecture, что можно перевести как «звездная архитектура». Имеются в виду здания, спроектированные известными архитекторами. – *Прим. перев.*

ственных отношений. Джейн Джейкобс в книге «Смерть и жизнь больших американских городов» (Jane Jacobs, *The Death and Life of Great American Cities*), опубликованной в 1961 году, повела атаку на планирование первых послевоенных американских городов, предусматривавшее снос трущоб, и политику их развития, предположив, что даже вмешательство с лучшими намерениями может существенно нарушить жизнь людей. Джейкобс аргументировала это тем, что формы наших городов и общественных пространств должны основываться на эмпирическом знании о том, как городские жители в действительности проводят свою общественную и личную жизнь. Эту точку зрения она заимствовала у урбаниста Уильяма Х. Уайта, который десятилетиями наблюдал за людьми в общественных пространствах, изучая, какие элементы дизайна привлекают или отталкивают прохожих. Спустя десять лет после публикации книги Джейкобс Оскар Ньюмен в «Защищенных пространствах» подкрепил утверждения автора, связав распространенность преступности именно с таким дизайном проектов социального жилья, который критиковала Джейкобс. Ньюмен определил элементы дизайна – такие как однородность, повторяемость и отсутствие линий прямой видимости, – затрудняющие жителям обзор и развитие эмоциональной привязанности к месту, где они живут, и следовательно, возникновение здорового чувства ответственности за свое сообщество. Недавно известный голландский урбанист Ян Гейл продолжил дело Джейкобс, Уайта и Ньюмена, выделив элементы дизайна, способствующие оживлению городской среды, такие как «мягкие» границы (края), удобство для пешеходов, дворы и вариативность.

Работы Джейкобс, Уайта и Гейла демонстрируют непосредственное и всестороннее воздействие дизайна на общественную жизнь людей. Напротив, анализ влияния городской среды на личные переживания человека оказался по преимуществу отодвинутым на периферию теоретической и философской мысли, в такие работы, как «Поэтика пространства» Гастона Башелара и «Возвращение на место» Эдварда Кейси. Самому заметному исключению – эмпирическому исследованию Кевина Линча («Образ города», 1960) – уже более 50 лет. Линч интервьюировал городских жителей и, используя принципы гештальт-психологии, построил интуитивную схему того, как городские жители понимают смысл города и свое место в нем. Он выяснил, что люди, чтобы ориентироваться в сложных средах и составить внутреннюю ментальную карту устройства города, опираются на весьма специфические элементы дизайна – сочетание *указателей* (Эйфелева башня); *границ*, которые должны быть четко обозначены видимыми поверхностями (линии фасадов вдоль парижских бульваров); и демаркированные *пути*, которые связывают основные пункты, или *узлы*, такие как площади, скверы и большие перекрестки.

Из всех исследований того, как индивидуумы воспринимают городскую среду, только открытия Кевина Линча нашли существенное подтверждение: ориентиры, границы, пути и узлы – действительно важные инструменты, которые человеческий мозг использует для ориентации в пространстве и составления ментальных карт. Недавно группа нейрофизиологов – Эдвард Мозер, Мей-Бритт Мозер и Джон О'Киф – дала новое истолкование и расширенную характеристику путям и узлам Линча. В исследованиях, которые принесли им Нобелевскую премию по физиологии и медицине, они открыли клетки, которые ответственны за распознавание места и распознавания здания, работающие совместно с нейронами решетки в единой системе. Внутренний *GPS* в нашем мозгу позволяет нам ориентироваться в пространстве. Теперь мы знаем ответы на такие вопросы: «Как мы определяем свое местонахождение? Как мы находим дорогу из одного места в другое? И как нам удастся сохранить эту информацию, чтобы в следующий раз пройти этим же маршрутом?»

Работа Линча высветила необходимость более детальной информации о способах, которыми люди воспринимают архитектурную среду, а та на них воздействует. И в небольших, относительно замкнутых областях академической науки исследования продолжались. Но немногие открытия достигали глаз, ушей и разума людей, которые покупают объекты строи-

тельства и живут в них, – клиентов, – или даже дизайнеров. Все чаще и чаще такие вопросы поднимаются различными исследовательскими инициативами и группами в среде урбанистов, архитекторов, дизайнеров интерьера, а также учреждений академической науки и здравоохранения, самым ярким примером чему является небольшая, но растущая Академия нейрофизиологии для архитектуры.

Для того чтобы выяснить, как наши городские среды видоизменяют и наш внутренний, и наш внешний мир, в просторечии – как мы *переживаем* их, мы должны сначала определить – что мы подразумеваем под словом «переживаем». Переживание отличается от нерелфлексированного факта естественного существования; ему свойственно общее качество, которое понижает все его составляющие и придает им значение. Это убедительное единство является продуктом человеческого сознания, которое фильтрует и интерпретирует все, с чем мы сталкиваемся.

В последние два десятилетия огромный объем знаний о деятельности мозга, – большая часть которых не относится непосредственно к архитектуре, – получают нейронауки и социальные науки. Синтезирование этих знаний приводит к удивительному, но неоспоримому выводу: наши строительные среды не будут отвечать нуждам людей до тех пор, пока мы не применим то, что знаем и узнаём о восприятии их человеком, в их дизайне и композиции. Это справедливо для всех уровней – от семей, живущих в своих домах, до школьников на игровых и спортивных площадках, до работников, трудящихся в офисах или на оптовых базах корпораций.

Этот стабильный поток новых исследований коллективного восприятия и осмысливания демонстрирует, насколько неразрывно связаны люди со своими средами. И, смотрит ли человек, не осознавая этого, на линии на стене, образующие узор, или неосознанно отмечает высоту и форму потолков, или реагирует, не отдавая себе отчета, на качество и интенсивность света в помещении; удовлетворено или бунтует его интуитивное чувство земного тяготения, воображает ли он холод каменного пола, – эмоциональное самочувствие каждого человека, его социальные взаимодействия и даже физическое здоровье зависят от места его обитания, большое оно или маленькое. Этот быстро растущий объем знаний начал накапливать «когнитивный» раздел психологии в 1960-е, когда все больше ученых стали утверждать, что мыслительные процессы людей – их познание – можно научно исследовать и что они говорят о человеческом сознании не меньше, чем поведение. Когнитивная революция продолжала набирать темп, пока в 1990-е не произошел резкий ее всплеск, когда некоторые новые технологии построения изображений и вычислительная техника сделали возможным научное исследование мозга в действии.

Мы знаем намного, намного больше – в сто раз больше, – чем знали несколько десятилетий назад, о том, как когниции³ прямо или опосредованно попадают под воздействие или вызываются нашим восприятием строительной среды. И теперь мы знаем, что даже если что-то из считавшегося в общепринятом и научном мнении на протяжении столетий хорошими архитектурой, ландшафтами, планировкой и городской средой, таковым и было, большая часть все же были и остаются откровенно плохими. Наши знания о структуре человеческих памяти, познания и взаимоотношений эмоций и сознания претерпели радикальные изменения. Мы не только понимаем механизмы ориентации в пространстве благодаря Линчу и его последователям, но мы также обнаруживаем, что эти механизмы играют важную роль и в других когнитивных процессах, существенных для нашей повседневной жизни. Мы знаем, что наши представления и готовность действовать не вполне следуют одно за другим, а напротив, взаимно перекрываются. А важнее всего то, что мы знаем, что наше познание в значительной степени бессознательно и ассоциативно по своей природе.

³ *Когниция* – познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации. – *Прим. перев.*

Нам нужна новая концептуальная схема для понимания того, какие мысли и ощущения вызывает рукотворный мир, потому что человеческий мозг существенно отличается от того прототипа, который, по мнению психологов, философов и дизайнеров, мы имеем. В моем детстве среди психологов господствовало мнение, что человеческий мозг после критического периода на ранней стадии развития личности остается неизменным. Затем, около 2000 года, серия исследований лондонских таксистов показала явные изменения в их мозгу, в частности, в гиппокампе, после того как они прошли экстенсивную подготовку, необходимую им для того, чтобы запомнить (составить ментальную карту, по терминологии Линча) географию города. Даже для полностью сформировавшихся взрослых эти и другие исследования установили, что человеческий мозг динамичен и бесконечно меняется в ответ на ощущения, испытываемые в наших средах – человеческих, общественных, физических, архитектурных, ландшафтных, городских. Доказательства нейропластичности нашего мозга имели огромное значение для понимания человеческого познания: они показали, что в процессе обучения наш мозг трансформируется, изменяя нас на протяжении всей жизни. И, в противовес тому, что столетиями считалось верным, нашу жизнь, наше сознание изменяет и *буквально формирует* восприятие физической среды, в которой мы существуем.

Чем больше мы узнаем, тем больше мы можем осмысливать, исследовать и оценивать соответствие того, что мы уже построили и что построим, тому, что требуется для обеспечения нашего благополучия. Чем больше мы узнаем, тем очевиднее становится, что мы должны заново пересмотреть традиционные представления о городах, архитектуре, ландшафтной архитектуре и воздействии строительной среды на людей. И мы должны предпринять этот пересмотр с оптимизмом, энергией и надеждой. Мой десятилетний опыт изучения и описания городских сред убедительно показал, что наше строительное окружение могло бы быть устроено намного, намного лучше. И оказывается, что сплошь и рядом для строительства плохого здания (или ландшафта, или городского пространства) требуются не меньшие ресурсы, чем для хорошего.

Так что обратите внимание на комнату, в которой вы сидите, на высоту, форму и цвет ее потолка. На текстуру и конструкцию стен. На мягкость или твердость напольных покрытий. На видимые с вашего места соседние внутренние помещения и на вид из окон (если они есть) наружу. На качество и температуру воздуха. На качество звуков, которые вы слышите. На подбор мебели и ее расстановку. На тип и интенсивность освещения. На конфигурацию коридоров, ведущих в соседние комнаты и помещения, и их расположение относительно места, в котором вы находитесь. Все это воздействует на вас. Это влияет на ваше самочувствие и здоровье и понятным для вас образом, и так, как вы, возможно, даже не подозреваете. Это влияет на то, как вы взаимодействуете с другими людьми в этом помещении – и даже как думаете о них. Это может повлиять даже на вашу самооценку как человека, достойного или не достойного этого места.

Почему это важно? Потому что это можно изменить. Все вокруг вас – от формы комнаты до количества солнечного света, проникающего в ваш дом, до типа дома или квартиры, в которых вы живете, до ширины и положения дорог и тротуаров, по которым вы добираетесь туда, – именно такое, потому что кто-то сделал *выбор*. По заказу или в общепринятом порядке городская среда создается, а это значит, что она может быть создана иначе, заново. И большая ее часть будет создана в наступающие десятилетия. Мы имеем беспрецедентную возможность сделать наш мир лучше.

Луис Кан, американский архитектор, создавший самые знаменитые здания конца XX века, всю свою жизнь убедительно доказывал могущественное воздействие дизайна строительной среды на жизнь людей.

Однажды он изложил это так: «Если взглянуть на термы Каракаллы... все мы знаем, что можем помыться под восьмифутовым потолком с не меньшим успехом, чем под 150-футовым». Но, настаивал он, «есть что-то в потолке высотой 150 футов, что делает человека другим».

Отмечая облагораживающее свойство легендарных римских бань, Кан выразил интуитивное предположение, оказавшееся верным, хотя и по причинам, о которых сам Кан вряд ли мог знать. Недавние исследования показали, что люди мыслят творчески и лучше воспринимают абстрактные идеи, находясь в помещениях с высокими потолками. Человек, чувствующий себя почти в буквальном смысле «нестесненным», более склонен к творческому мышлению.

Архитектура всегда казалась мне самым важным видом искусства – таким, которого заслуживает каждый. Наши здания, ландшафты и городские пространства влияют на жизнь не только тех людей, которые их заказали и оплатили, – а если они построены с целью вложения средств, как чаще всего бывает, то вообще не на их жизнь. Кроме того, большая часть зданий, ландшафтов и городских пространств переживают людей, не только тех, для кого они первоначально предназначались, но и представителей следующего, а иногда даже многих поколений.

Конечно, некоторые люди, особенно дизайнеры, понимают значимость внешности пространств. Но многие испытывают затруднения, когда им приходится объяснять, *почему* дизайн имеет такое существенное значение для жизни людей. Один такой человек, моя знакомая, руководит маленькой успешной некоммерческой организацией, ратующей за хорошую архитектуру. Однажды она мне сказала, что когда в сфере дизайна случается очередной кризис вроде размываемых дамб в Новом Орлеане, или перспективы уничтожения выдающегося здания, или разрешения на застройку нового участка, которая, несомненно, обезобразит окрестности, она и члены ее штаба садятся за круглый стол, оплакивая состояние городской среды. Все они профессионалы и единомышленники, все увлечены дизайном. «Мы не перестаем говорить о *значимости* дизайна, – как-то пожаловалась она. – Но ни один из нас не смог бы толком объяснить, почему это так».

Прежде, возможно, никто не мог. Теперь мы можем.

Глава первая

Как жаль, что мы живем здесь

*Уныние воцаряется первым, за ним – отчаянье.
Пытаешься стряхнуть его. Оно только растет.
Дело в безмолвии площади.*

Марк Стрэнд, «Два де Кирико», часть 2 «Беспокойные музы»⁴

*Тот факт, что человек не понимает вредности продукта или
элемента дизайна в своем окружении, не означает, что те безвредны..*

Рихард Нойтра, «Выживание с помощью дизайна»

Заголовок к моему первому архитектурно-критическому эссе, опубликованному в *The American Prospect*, придумал мой редактор, а не я. Но когда он прислал гранки, я поняла, что он считает меня ниспровергательницей авторитетов: «Унылые здания», гласил заголовок. В подзаголовке чуть ли не слышался мой жалобный голос, вопрошающий: «Почему американская архитектура так плоха?» Со времени появления этого эссе пятнадцать лет назад политические, социальные и экономические ландшафты нашей страны сильно изменились. Сентябрь 2001-го стал началом гораздо более опасной и осмотрительной эпохи. Интернет и цифровые технологии изменили способы нашего общения и совершения покупок, смысл нашего права на частную жизнь и даже наше самоощущение; они также существенно ускорили экономическую интеграцию и сделали глобализацию экономической, социальной и культурной реальностью. Несмотря на это, и двадцать лет спустя приговор, провозглашенный в том заголовке, остается справедливым, и не только в отношении Соединенных Штатов.

⁴ Имеется в виду одна из двух картин итальянского художника Джорджо де Кирико. – Прим. перев.

Четыре разновидности унылых мест

В местах, где мы живем, нищета широко раскинула свои сети, как показывают четыре совершенно разных типа окружающей обстановки. Трущобы, в которых живут миллионы людей на всех континентах, за исключением Антарктиды, доказывают, что строительная среда, лишенная какого-либо внятного дизайна, существенно снижает уровень жизни человека. Если мы сравним такие трущобные жилища с построенными девелоперами домами на одну семью, которые еще сотни миллионов человек называют своим домом, мы увидим, что недостаток средств – это только одна сторона проблемы. А если мы проанализируем оба вида жилищ по отношению к зданию колледжа в центре Нью-Йорка, на которое не жалели средств, станет очевидно, что людям тяжело признать важность и насущность их архитектурного окружения. И если мы возьмем всю эту информацию и объединим ее с тем, что можно узнать, узрев лондонский художественный павильон, построенный Жаном Нувелем, лауреатом Притцкеровской премии, мы увидим, что даже при избытке ресурсов, благих намерениях и верно расставленных приоритетах все может вывернуться наизнанку. Эти четыре примера прискорбной архитектурной среды показывают, как непроходимо скупо наше архитектурное окружение; они же указывают на комплексные причины тому. Они также опровергают вывод, который можно было бы сделать на основе одних только трущоб: деньги или их отсутствие являются лишь малой частью проблемы.

Трущобы – пример настоящей нехватки ресурсов. В Гаити полтора миллиона человек утратили свои дома в результате опустошительного землетрясения 2010 года, и многие, переживая его последствия, обитают в палаточных лагерях – самодельных временных пристанищах. Среди тысяч душераздирающих фотографий, иллюстрирующих гаитянскую катастрофу, был снимок тесного ряда лачуг, прилепившихся к разделительной полосе на рю-де-Рей в Порто-Пренсе, где целыми семьями живут в однокомнатных брезентовых палатках с грязными полами. Машины и грузовики, рыча, проносятся мимо. Ни электричества. Ни водопровода и канализации. Ни уединения. Ни тишины. Ни чистого воздуха для дыхания. Ни свежей воды для питья. Только несчастные люди, пытающиеся сохранить силу духа и достоинство в среде обитания, которая ежедневно унижает их.

Хотя этот образ документирует борьбу за выживание людей после одиночного катастрофического события, условия, в которых они живут, необычны только в двух отношениях: машины проносятся вдоль этого вытянутого поселения очень быстро, и брезентовая ткань образует стены и крышу лачуг вместо обычных ржавого металла, обрезков пластика, камыша и гниющей фанеры или листов картона. В остальном эти гаитянские лачуги напоминают свои аналоги: бразильские фавелы, бидонвили во франкоговорящих странах, таких как Тунис, трущобы Южной Африки, бараки на Ямайке и в Пакистане, *кампаментос* в Чили – то есть, используя самое общепотребимое название, – трущобы по всему миру. Наименования, материалы, из которых они построены, нищета крова, который они предоставляют, степень отчаяния под ним разнятся в зависимости от экономики, культуры, климата и континента. Но в основном жилищные условия в них одинаковы. Одно, два, даже три поколения втиснуты вместе со своим имуществом в одно или два опасных для здоровья помещения, лишенные базовых коммуникаций – электричества, водопровода и канализации.

30 % всех жителей Южной Азии, включая 50–60 % населения крупнейших индийских городов – Мумбаи и Дели, – живут в трущобах. Результаты подсчетов плотности населения в мумбайских трущобах Дхавари варьируются от 380 000 до 1,3 миллиона человек на квадратную милю – в 5–9 раз выше, чем на Манхэттене. 60 % африканцев к югу от Сахары обитают в трущобах. 4 миллиона человек населяют крупнейшие трущобы в мире, занимающие пригороды Мехико. То есть один из семи человек на планете (в целом миллиард) и треть всех оби-

тателей городов называют такие места своим домом. Отделение жилищного строительства и благоустройства трущоб программы ООН по населенным пунктам прогнозирует, что к 2030 году число людей, живущих в трущобах, возрастет более чем в два раза, поскольку трущобы – «самый быстрорастущий сегмент жилья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.